

О.А. Ренева*

МОНАХИ БЕЛОЙ ГОРЫ: ПУТЬ НА ВОСТОК

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-9
УДК 271.2(470.53/47+51)*Выходные данные для цитирования:*
Ренева О.А. Монахи Белой горы: путь на восток // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 115–123. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-09.pdf>

O.A. Reneva*

MONKS OF THE WHITE MOUNTAIN: THE WAY TO THE EAST

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-9

How to cite:
Reneva O.A. Monks of the White Mountain: The Way to the East // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 115–123. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-09.pdf>]

Abstract. The article traces the history of the Belogorsky Monastery on Belaya Gora (Osinsk District, Perm' Province) and its monks during the period of 1918–1924, both perished during the Civil War and emigrated eastward to Siberia and China. The author suggests that the Ural monastery aroused strong hatred among the Bolsheviks because of its close ties to the imperial family. The first victim of the red terror on Belaya Gora was the abbot, Archimandrite Varlaam (Konoplev). In 2000 he was canonized by the Russian Orthodox Church as a saint, as were a number of monks who were brutally murdered in the monastery in the fall of 1918. Particular attention is paid to the fate of Hegumen Seraphim (Kuznetsov), who saved the bodies of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and her companions from desecration, as well as Hegumen Yuvenaly (Kilin), who later served in churches in Harbin, Shanghai and Beijing. The first, having fulfilled his sorrowful mission, remained in the Holy Land, in Jerusalem; the second, in 1947, returned to the Soviet Union, where he successively led the dioceses: Chelyabinsk and Zlatoust, Irkutsk and Chita, Omsk and Tyumen, and Izhevsk and Udmurtia. For the first time documents about the closure of the monastery in 1924, which are stored in the Archive of the Kungur municipal district, are introduced into scientific circulation. Thanks to these materials we can appreciate the sacrifice of the monks who, under threat of imprisonment and death, remained on the White Mountain and tried their best to preserve the monastery.

Keywords: Belogorsky Monastery, Belaya Gora, emigration, Hegumen Seraphim (Kuznetsov), Hegumen Yuvenaly (Kilin), Harbin, Shanghai.

The article has been received by the editor on 31.01.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье прослеживается история Свято-Николаевского мужского монастыря на Белой горе (Осинский уезд Пермской губернии) и его монахов в период 1918–1924 гг., как погибших во время Гражданской войны, так и эмигрировавших на восток, в Сибирь и Китай. Автор выдвигает предположение, что уральская обитель вызвала сильную ненависть большевиков из-за тесной связи с императорской семьей. Первой жертвой «красного террора» на Белой горе стал настоятель – архимандрит Варлаам (Коноплев). В 2000 г. он был причислен Русской православной церковью к лику святых, как и ряд монахов, зверски убитых на территории монастыря осенью 1918 г. Особое внимание уделено судьбам игумена Серафима (Кузнецова), спасшего от поругания тела великой княгини Елизаветы Федоровны и ее спутников, а также игумена Ювеналия

* **Ольга Анатольевна Ренева**, Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Кунгур, Россия, e-mail: olga.reneva23@yandex.ru
Olga Anatolievna Reneva, Kungur Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Kungur, Russia, e-mail: olga.reneva23@yandex.ru

(Килина), позднее служившего в храмах Харбина, Шанхая и Пекина. Первый, выполнив свою скорбную миссию, остался на Святой Земле, в Иерусалиме, второй в 1947 г. вернулся в Советский Союз, где последовательно руководил епархиями: Челябинской и Златоустовской, Иркутской и Читинской, Омской и Тюменской, Ижевской и Удмуртской. Впервые в научный оборот вводятся документы о закрытии монастыря в 1924 г., которые хранятся в Архиве Кунгурского муниципального округа. Благодаря этим материалам можно оценить жертвенность монахов, которые под угрозой тюремного заключения и смерти остались на Белой горе и старались всеми силами сохранить обитель.

Ключевые слова: Свято-Николаевский мужской монастырь, Белая гора, эмиграция, игумен Серафим (Кузнецов), игумен Ювеналий (Килин), Харбин, Шанхай.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023 г.

Эмиграция, связанная с событиями Гражданской войны, затронула все слои российского общества, в том числе и духовенство. Среди тех, кто покинул родные места, были и монахи Белогорского Свято-Николаевского мужского общежительного монастыря, находившегося в Осинском уезде Пермской губернии. Отправиться на чужбину их вынудили события 1918 г., когда на Урале чудовищные обороты набирал маховик красного террора, когда в Перми, Екатеринбурге и Алапаевске были зверски убиты представители рода Романовых. В том же году трагически погибли многие священнослужители Пермской епархии, среди них – настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам (Василий Евфимович Коноплёв) и часть насельников, а сама обитель была разорена. В 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской православной церкви к лику новомучеников и исповедников российских было причислено более тысячи двухсот пострадавших в годы гонений, начиная с императора Николая II и его семьи. В этом перечне также указаны имена архимандрита Варлаама и двадцати шести человек белогорской братии (иеромонахи Сергей, Илия, Вячеслав, Иоасаф, Иоанн, Антоний, иеродиаконы Михей, Виссарион, Матфей, Евфимий, монахи Варнава, Димитрий, Савва, Гермоген, Аркадий, Евфимий, Маркелл, послушники Иоанн, Иаков, Петр, другой Иаков, Александр, Феодор, другой Петр, Сергей, Алексей).

Резкое ухудшение социально-политического положения монастыря после революционных событий 1917 г. было обусловлено в первую очередь его тесной связью в предшествующий период с царским двором. И впоследствии это дало большевикам возможность закрыть монастырь. В обвинении, предъявленном арестованным монахам в 1923 г., содержалась такая фраза: «Монастырь основан в честь тезоименичества последнего Российского коронованного кровавого дракона Николая II, который был тесно связан взаимной царской любовью к первому основателю монастыря безграмотному архимандриту Варлааму (ныне несуществующему)»¹. Обитель, претендовавшая на титул пятой лавры Российской империи, возникла в краю старообрядцев среди дремучих таежных лесов. Предыстория монастыря уходит в 1891 г., когда на вершине Белой горы по благословению епископа Пермского и Соликамского Владимира состоялось освящение монумента, получившего в народе название «Царский крест». Его установка была связана с благоприятным исходом трагического инцидента, произошедшего с наследником царского престола Николаем Александровичем 29 апреля 1891 г. во время посещения японского города Оцу². Через три года на Белой горе рядом с «Царским крестом» по благословению епархиального начальства обосновались первые насельники, а устройтелем обители был назначен инок Варлаам (в миру Василий Евфимович Коноплёв), бывший старообрядец, принявший православие и монашеский

¹ Архив Кунгурского муниципального округа (АКМО). Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. Л. 292.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 198. Оп. 1. Д. 456. Л. 1.

постриг в 1893 г. В январе 1897 г. Святейший Синод утвердил Белогорскую общину как штатный монастырь, а иеромонах Варлаам был назначен его настоятелем. С самого начала обитель прославилась своим строгим церковным уставом, напоминавшим афонский.

С конца XIX в. на Белой горе велось масштабное строительство: возводились храмы, братские корпуса, гостевые дома, здания мастерских. 12 июня 1894 г. началось сооружение второй монастырской церкви. На ее первом этаже находился Всехсвятский храм, заложенный в память помолвки наследника российского престола Николая Александровича и принцессы Виктории-Алисы Гессен-Дармштадтской³. Строительство главного монастырского храма – Крестовоздвиженского собора – продолжалось с 1902 по 1917 г. Среди жертвователей был российский император Николай II.

С царской семьей была связана история и монастырского скита, существовавшего с 1902 г. В 1910 г. его наместник иеромонах Серафим (Георгий Михайлович Кузнецов) вместе с архимандритом Варлаамом были удостоены аудиенции у императора Николая II, на приеме присутствовал и цесаревич Алексей. 12 мая 1914 г. на заседании Святейшего Синода рассматривался вопрос об официальном утверждении скита при Белогорском монастыре и присвоении ему наименования «Серафимо-Алексиевский Наследника Цесаревича Алексия Николаевича». Но поскольку монастыри именовались по святым, в честь которых были сооружены их храмы, то решили оставить краткое название «Серафимо-Алексиевский», имея в виду, что имя святителя Алексия носит цесаревич⁴. 19 августа 1912 г. иеромонах Серафим был возведен в сан игумена. С того же года он стал редактором журнала «Голос долга», издаваемого монастырем. Первый номер журнала был посвящен приближающемуся 300-летию Дома Романовых, монархическая тема оставалась главной и в последующих выпусках.

Игумен Серафим был известен не только как аскет и талантливый организатор, но и как духовный писатель. Например, он автор трехтомного труда о монастырских уставах («Монастырский мужской общежительный устав» (Т. 1), «Скитские иноческие уставы» (Т. 2), «Женские иноческие уставы» (Т. 3)), высоко оцененного Вселенским (Константинопольским) Патриархом Иоакимом III. Именно благодаря этим изданиям в 1909 г. в Троице-Сергиевой лавре во время Первого Всероссийского иноческого съезда состоялась его первая встреча с великой княгиней Елизаветой Федоровной, основавшей Марфо-Мариинскую обитель⁵. Позднее, в июле 1914 г., во время паломнической поездки по монастырям Пермской губернии августейшая паломница посетила Белую гору, побывала она и в Серафимо-Алексиевском скиту⁶, где в пещерном храме епископ Пермский Палладий отслужил литию по ее мужу, великому князю Сергею Александровичу, погибшему от руки террориста.

После начала Первой мировой войны игумен Серафим, получив благословение епископа Пермского и Соликамского Андроника, уехал в действующую армию, стал полковым священником, писал о событиях на фронте, эти заметки публиковались на страницах газеты «Пермские епархиальные ведомости». В октябре 1916 г., во время приезда в Москву, ему удалось вновь встретиться с великой княгиней Елизаветой Федоровной. Именно тогда он стал ее духовником. Во время еще одной встречи, в начале 1917 г., он выслушал пожелание на случай ее гибели⁷. Она хотела быть погребенной на Святой Земле, у храма Марии Магдалины в Русской Гефсиманской обители.

³ Белая гора и Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской монастырь (Географическо-исторический очерк) // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. С. 34.

⁴ Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 20 (отд. оф.). С. 189.

⁵ Серафим, иеромонах. Первый Всероссийский иноческий съезд. Воспоминания, записки и наблюдения участника съезда. Кунгур, 1912. С. 37.

⁶ ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об.

⁷ Стегний П.В. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М., 2017. С. 132.

Игумен Серафим, преодолевая все препятствия, сумел выполнить просьбу духовной дочери, мученически погибшей в Алапаевске в ночь на 18 июля 1918 г. Осенью того же года, когда армия адмирала А.В. Колчака заняла Средний Урал, игумен Серафим вместе с монахами Серафимо-Алексиевского скита приехал в Екатеринбург. Затем с двумя послушниками Серафимом Дмитриевичем Гневашевым и Максимом Григорьевичем Канунниковым он отправился в Алапаевск к месту гибели великой княгини Елизаветы Федоровны, где принял участие в поиске погибших и извлечению их тел со дна шахты. Дальнейшие события подробно освещаются в ряде статей и книг, написанных в начале XXI в.⁸ Многие из авторов в качестве первоисточника используют труд игумена Серафима «Мученики Христианского долга», опубликованный им в 1920 г. в Пекине.

Тело великой княгини было обнаружено 11 октября⁹, тогда же его извлекли из шахты, а через неделю, 18 октября, в Алапаевске в Свято-Троицком соборе была отслужена заупокойная всенощная по всем погибшим. Затем гробы были помещены в специально устроенном склепе, вход в который был замурован. В июне 1919 г., когда к Екатеринбург и Алапаевску подошли части Красной армии, встал вопрос о транспортировке тел погибших в безопасное место. Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, главнокомандующий Сибирской армией, в письме от 1 июля того же года приказал уполномоченному Алапаевским горным округом вывезти из Алапаевска на станцию Ишим Омской железной дороги трупы великих князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича, графа Владимира Павловича Палея, великой княгини Елизаветы Федоровны, Федора Семеновича Ремеза и монахини Варвары Яковлевой. Этот же документ гарантировал оказание помощи в невероятно трудной миссии со стороны военных и гражданских чинов. Приказ генерал-лейтенанта Дитерихса выполнили игумен Серафим и белогорские послушники Максим Канунников и Серафим Гневашев.

14 июля 1919 г., погрузив свой скорбный груз в товарный вагон, скитники отправились из Алапаевска в сторону Ишима. Воспоминания об этой поездке были записаны со слов игумена Серафима в 1956 г. в Иерусалиме монахиней Серафимой (Путятиной), племянницей князя Н.А. Кудашева: «Вагон его передвигался вместе с фронтом: проедет вперед верст двадцать пять, а потом откатится верст на пятнадцать и т.д. Благодаря пропуску <...>, его постоянно отцепляли и прицепляли к разным поездкам, в общем содействуя его продвижению к конечной цели. Путешествие продлилось три недели, и невозможно представить себе, что пережили за это время о. Серафим и его два спутника, провожавшие свой страшный груз. Из щелей пяти гробов постоянно сочилась жидкость, распространявшая ужасный смрад. Поезд часто останавливался среди поля, тогда они собирали траву и вытирали ею гробы. Жидкость же, вытекавшая из гроба Великой Княгини, благоухала, и они бережно собирали ее как святыню в бутылочки»¹⁰.

Следующая вынужденная длительная остановка была сделана в Чите, где в Покровском женском монастыре игумен Серафим и его спутники вместе с восемью гробами нашли приют с 30 августа 1919 г. по 26 февраля 1920 г. Под полом предоставленной им кельи они вырыли неглубокую могилу, куда поставили гробы. Приближение фронта заставило их двигаться дальше на восток, дальнейшую помощь в транспортировке скорбного груза оказал генерал-лейтенант Г.М. Семёнов, главнокомандующий вооруженными силами Российской Восточной Краины. Путешествие было не только сложным, но и опасным: уже на границе на поезд напали красноармейцы, помощь подоспела со стороны китайских солдат.

В Китае первоначально гробы были доставлены в Харбин, где их встретил епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Сюда для опознания умерших приехал князь Н.А. Кудашев,

⁸ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии игумен Серафим (Кузнецов). История взаимоотношений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/historyippo/article/velikaya-knyaginya-elisaveta-feodorovna-i-nachalni-200567> (дата обращения: 14.0.2022); Стегний П.В. Скитоначальник...

⁹ Здесь и далее даты даются по труду игумена Серафима (Кузнецова) «Мученики христианского долга» (Пермь, 2021).

¹⁰ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Феодоровна...

бывший посланник России в Китае. Николай Александрович позднее вспоминал: «Как официальному лицу, мне пришлось поехать в Харбин, чтобы их опознать и составить протокол. Трудно себе представить ужас, который мне пришлось испытать: тела убитых пролежали в шахте целый год<...> По прибытии в Харбин тела были в состоянии полного разложения – все, кроме Великой княгини, которая была совершенно нетленна. Гробы открыли и поставили в русской церкви. Когда я вошел в нее, мне чуть не стало дурно, а потом была сильная рвота. Великая княгиня лежала как живая и совсем не изменилась с того дня, как я перед отъездом в Пекин прощался с ней в Москве, только на одной стороне лица был большой кровоподтек от удара при падении в шахту»¹¹.

3 апреля 1920 г. гробы с сопровождающими прибыли в Пекин, откуда игумен Серафим отправил письмо генерал-лейтенанту Г.М. Семёнову с отчетом о частичном выполнении своей миссии. В ответном письме военачальника были такие строки: «<...> хотя я ни на минуту и прежде не сомневался, что Преосвященный Иннокентий, по долгу верноподданнической преданности и Христианской любви, окажет достойный прием и великий почет останкам Августейших Мучеников; пусть служит прием в Пекине примером всем бывшим верным Царским слугам»¹². Правда, в Пекине с погребением тел возникли проблемы. Епископу Иннокентию (Фигуровскому) не удалось получить разрешение на их захоронение на территории Русской Духовной миссии. Пришлось гробы поместить в специальном склепе, устроенном на средства, пожертвованные по просьбе игумена Серафима генерал-лейтенантом Г.М. Семёновым. Усыпальница с железной дверью, закрывавшейся на ключ, была обустроена под амвоном Серафимо-Саровского храма на загородном православном кладбище. Ключи от склепа имелись только у игумена Серафима, который несколько месяцев провел в Пекине, дожидаясь, пока будет получено разрешение на дальнейшую транспортировку двух гробов с телами Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары Яковлевой в Иерусалим, о чем перед английскими колониальными властями и Патриархом Иерусалимским Дамианом ходатайствовала принцесса Виктория Баттенберг, родная сестра великой княгини. Для белогорского игумена это мучительное ожидание оказалось временем творческого подвига: в сложной обстановке, на чужбине, он написал три книги – «Православный Царь-Мученик», «Мученики Христианского долга» и «Венок на могилу доброго пастыря. Памяти прот. Павла Фигуровского», которые сразу же были изданы в типографии Русской Духовной миссии. Когда разрешение на доставку гробов в Иерусалим было получено, то игумен Серафим ключи от склепа с шестью оставшимися гробами передал епископу Иннокентию.

17 ноября 1920 г. начался последний этап долгого странствия, из Пекина до Тяньцзиня, затем пароходом до Шанхая, где пришлось провести больше трех недель. Оттуда 15 декабря гробы в сопровождении отца Серафима и двух послушников отправили морем в Порт Саид, куда корабль прибыл 26 января 1921 г. Там, на египетской земле, их встретила принцесса Виктория Баттенберг (маркиза Милфорд-Хэвен), которая на следующий день в своем письме сообщила: «Здесь есть греческая церковь, и гробы на ночь были оставлены там. Мы пошли в церковь. Задрапированные в черное, они только что были установлены в маленькой боковой часовне. Там были: отец Серафим, монах, который ни разу не оставил их еще с Алапаевска; греческий священник и несколько русских людей. Было очень тихо и уединенно и спокойно в этой маленькой часовне. Только по одной свече горело у изголовья каждого гроба. <...> Этим утром гробы будут отправлены опять товарным поездом в специальном вагоне, который будет переправлен паромом через канал <...> Монах и его два послушника едут в вагоне. По прибытии (в Иерусалим. – О. Р.) нас встретят катафалки и духовенство, и после короткой службы мы должны будем поехать через город к русской церкви св. Марии Магдалины, которая расположена возле Гефсиманского сада, около 4 километров от станции. Патриарх и церковные власти предложили, чтобы гробы были поставлены в церковь на несколько дней и что я должна решить на месте, где их потом

¹¹ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Феодоровна...

¹² Там же.

лучше установить. Будет большое богослужение, когда их будут переносить из храма туда. Я надеюсь, что найду там склеп под церковью, где они могут оставаться до тех пор, пока их можно будет повезти в Москву»¹³. Судя по этим строкам, адресованным принцессой брату Эрнсту Людвигу Гессенскому, родственники великой княгини Елизаветы Федоровны, несмотря на ее волеизъявление о месте погребения, рассматривали вариант в случае реставрации монархии в России перезахоронения тела в Москве.

Организацией погребения тел великой княгини и ее келейницы занимались представители Императорского Православного Палестинского общества, председателем которого до 1917 г. была Елизавета Федоровна. Позаботились они и о судьбе монахов, доставивших скорбный груз в Иерусалим. Князь А.А. Ширинский-Шихматов, являвшийся на тот момент председателем общества, особо подчеркнул заслуги этих людей.

Погребение состоялось 30 января 1921 г., заупокойную литию служил Патриарх Иерусалимский Дамиан. 5 февраля завершились работы по устройству усыпальницы, рядом с которой в двух комнатах поселились игумен Серафим и послушники Максим Канунников с Серафимом Гневашевым. Принцесса Виктория Баттенберг (маркиза Милфорд-Хэвен), покидая Иерусалим, оставила доверенность белогорскому игумену: «Многоуважаемый Отец Серафим! Сим поручаю Вам охрану драгоценных останков сестры моей великой княгини Елисаветы Федоровны и сообщаю Вам, что как Его Блаженству Патриарху Иерусалимскому, так и великобританским королевским властям в Палестине известно мое желание и законное право, чтобы гроб с телом покойной великой княгини ни в коем случае не переносился из склепа церкви св. Марии Магдалины без особенного письменного моего, либо, после меня, с согласия сына моего Георгия Маунт-Бэттенского, графа Медена»¹⁴.

Вся дальнейшая жизнь игумена Серафима была связана со Святой Землей. Тоска по родине вылилась в желание хотя бы духовно воссоединиться с Московской Патриархией, что встретило неприязнь со стороны епископа Аполлинария (Кошевого), и отец Серафим в 1923 г. был запрещен в священнослужители. Помог ему Патриарх Дамиан, который снял запрещение и разрешил служение в греческих храмах. Он же позволил устроить келью в Малой Галилее на Елеонской горе, на склоне которой располагалась церковь Марии Магдалины. В Иерусалиме отец Серафим продолжал изучение монастырских уставов, занимался литературным творчеством. В 1932 г. в Варшаве был издан его труд «Светлой памяти Дамиана патриарха Иерусалимского». На Святой Земле отец Серафим жил до самой смерти в 1959 г., там и был похоронен. Еще в 1945 г. во время приезда в Иерусалим Патриарха Алексия I он вернулся в юрисдикцию Московской Патриархии.

Известно, что игумен Серафим вел обширную переписку, поддерживал связь и с теми, с кем ему довелось служить на Белой горе, и с теми, кто уцелел во время войн и репрессий. Среди этих людей был и епископ Ювеналий (в миру Иоанн Кельсиевич Килин). В одном из писем, адресованных пермской схимонахине Евсевии (Попатенко), владыка, в то время уже архиепископ Ижевский и Удмуртский, сообщал следующее: «Отец игумен Серафим иногда навещает меня письмами хорошими <...> Он, конечно, доволен, что живет близ Гроба Господня под мудрым руководством Патриарха Иерусалимского Тимофея, находясь на даче в Малой Патриархии в Галилее. Имеет свою маленькую церковку, в которой служит каждый день и освящается благодатными таинствами. Там он и намеревается окончить свою старческую жизнь. Он уже сгорбленный старец, похожий на преподобного Серафима Саровского, одногодок со мной – 77 лет»¹⁵. В судьбе этих белогорских монахов действительно было много общего. Оба пришли на Белую гору в молодости, осознанно выбрав путь духовного совершенства, и тот и другой руководили сооружением монастырских зданий, занимались храмостроительством и литературной деятельностью, оба во время Гражданской войны оказались в эмиграции в Китае.

¹³ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Федоровна...

¹⁴ Стегний П.В. Скитоначальник... С. 155.

¹⁵ Гладышев В., Кудрина А. Свет Белой горы. Пермь, 2003. С. 33.

На Белую гору Иван Кельсиевич Килин, уроженец Сарапульского уезда Вятской губернии (в настоящее время Удмуртская Республика. – О. Р.), пришел весной 1896 г., отбыв к тому времени воинскую повинность. 1 марта он был зачислен в число послушников Свято-Николаевского монастыря, стал келейником настоятеля Варлаама. Через четыре года И.К. Килин был пострижен в монашество с наречением имени Ювеналий. Вместе с игуменом он посетил Иерусалим, Афон, побывал во всех крупных монастырях Российской империи. В 1903 г. иеромонах Ювеналий был назначен заведующим монастырским подворьем в губернской Перми. Там под его руководством был построен Иоанно-Златоустовский храм, не сохранившийся до нашего времени. В 1910 г. отец Ювеналий был переведен экономом в Пермский Архиерейский дом. На следующий год состоялась его встреча с камчатским миссионером – иеромонахом Нестором (Анисимовым), рассказы которого о суровых, но благодатных местах подали мысль отправиться на Дальний Восток и заняться там миссионерской деятельностью. Но епископ Пермский Палладий назначил отцу Ювеналию другое послушание – определил его устроителем и начальником новой мужской обители – Фаворской Спасо-Преображенской пустыни, которая стала дочерней по отношению к Белогорскому Свято-Николаевскому монастырю.

Там на горе Фавор, недалеко от села Елово Осинского уезда, за три года было сооружено три храма: Спасо-Преображенский собор, Казанская домовая церковь и Крестовоздвиженский храм. Когда в июле 1914 г. великая княгиня Елизавета Федоровна посетила Пермскую губернию, то среди первых увиденных ею храмов был еловский, Петропавловский, где вместе с приходским духовенством высоких гостей встречал игумен Ювеналий. На следующий год его назначили благочинным всех монастырей Пермской епархии, а еще через год отец Ювеналий был возведен в сан архимандрита. Уже в то время он пользовался немалым авторитетом в духовной среде. Например, его старший современник, священник и краевед Я.В. Шестаков написал следующее: «И на жизнь о. Ювеналия имела громадное влияние домашняя среда: благодаря прекрасному воспитанию, о. Ювеналий дает нам образ мужа строго подвижнической жизни и опыта жизни иноческой. Его приветливость и учтивость невольно располагают к сему ревностному домоправителю монастырского достоинства, каковым является о. игумен»¹⁶.

1918 г. стал переломным в судьбе архимандрита Ювеналия и насельников Фаворской пустыни, какое-то время им пришлось скрываться в таежных скитах, а в июне следующего года уехать в Сибирь. Сначала эвакуировались в Читу, где отец Ювеналий был назначен временно исполняющим обязанности настоятеля Верхнеудинского мужского монастыря. Затем был Харбин, куда архимандрит приехал 14 марта 1920 г. И с того времени почти 27 лет он жил в Китае, окормляя русских эмигрантов. Его китайские страницы биографии очень подробно исследованы протоиереем С.С. Ганом¹⁷ и Е.В. Королёвой¹⁸. В 1921 г. он служил настоятелем харбинского Успенского кладбищенского храма и смотрителем кладбища, спустя год по благословию архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия (Герасимова) основал Казанско-Богородицкий монастырь на Крестовском острове. В начале 1923 г. игумен Ювеналий получил новое послушание – он был назначен настоятелем сербского мужского монастыря Витовница. Через год вернулся в Харбин в основанную им обитель, которая уже была перенесена на новое место – в Новое Модягоу. При нем Казанско-Богородицкий мужской монастырь, расположенный на Румынской-Печерской улице у ипподрома¹⁹, превратился в крупный центр православия и благотворительности. Здесь были построены внушительный Казанский храм, келейные корпуса, мастерские, типография, боль-

¹⁶ Шестаков И., свящ. Значение монастырей на святой Руси. Предисловие к истории Фаворской Спасо-Преображенской пустыни Осинского уезда Пермской губернии. М., 1914. С. 6.

¹⁷ Ган С., свящ. Архиепископ Цицикарский Ювеналий (Килин) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40795.htm> (дата обращения: 14.10.2022).

¹⁸ Ковалёва Е.В. Православная церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 42–58.

¹⁹ Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга. Харбин, 1926. С. 109.

ница, где лечились не только монахи, но и бедные прихожане. Архимандрит Ювеналий был редактором журнала «Хлеб Небесный», издаваемого в монастыре.

В 1934 г. отец Ювеналий был посвящен в сан епископа Синьцзянского, первая епископская лития состоялась в родном монастырском Казанско-Богородицком храме. Уехать в Северную Маньчжурию, где находилась его кафедра, епископ не смог по политическим причинам, поэтому его назначили заведовать подворьями и приходами Пекинской духовной миссии (членом которой он являлся с начала 1935 г.) в Маньчжоу-Ди-Го²⁰. Одновременно он продолжал руководить Казанско-Богородицким монастырем. Только в 1936 г. епископ Ювеналий переехал в Пекин, где жил до 1941 г., занимаясь делами миссии. Затем, после открытия Цицикарского викариатства, он в качестве епископа Цицикарского был переведен в Харбинскую епархию и вновь назначен настоятелем Казанско-Богородицкого монастыря. В конце 1945 г. состоялось воссоединение Дальневосточной православной церкви с Русской православной церковью. Вскоре епископ Ювеналий был определен на место епископа Шанхайского, но прибыть к новому месту службы он не успел – потребовалось срочно выехать в Ленинград, чтобы совершить отпевание умершего архиепископа Димитрия (Вознесенского), только недавно уехавшего в СССР. Владыка принял решение остаться на родине, несколько месяцев он провел в Псково-Печерском монастыре. В июне 1947 г. был назначен епископом Челябинским и Златоустовским, в следующем году возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую и Читинскую кафедру. В 1949 г. его назначили архиепископом Омским и Тюменским, а с 1952 г. до самой смерти он служил на Ижевской и Удмуртской кафедре. В Ижевскую епархию владыка попросился, «чтобы завершить земное свое служение на родине»²¹. Предчувствуя кончину, он попросил архимандрита Петра (Семёновых) из Троице-Сергиевой Лавры, с которым был хорошо знаком по Харбину, постричь его в схиму. Схимонах Иоанн скончался 28 декабря 1958 г., был похоронен в Ижевском кафедральном соборе²².

Игумен Серафим и епископ Ювеналий, находясь на чужбине, всегда интересовались судьбами родной Белогорской обители и ее насельников. Из переписки с земляками им было известно, что монастырь большевики закрывали неоднократно. Уже в 1920 г. у монастыря были изъяты земля и все гражданские постройки. Здания как жилого, так и хозяйственного назначения органы советской власти передали Отделу народного образования под школу-коммуна²³. 1 марта 1922 г. Белогорский монастырь на бумаге был ликвидирован. На базе монастырского хозяйства организовали Военсовхоз. Крестовоздвиженский собор превратили в приходскую церковь. Братия ликвидированной обители продолжала жить на Белой горе во главе иеромонахом Иоанном (Ветер), который исполнял обязанности заведующего монастырем²⁴.

В феврале 1923 г. Осинский Уисполком предпринял вторую попытку закрытия монастыря²⁵. Всех имеющих отношение к обители, даже простых богомольцев, было решено выселить с Белой горы. Для этого их должны были разбить на три группы. Военнообязанных планировалось препроводить в Осинский Уездвоенкомат, трудоспособных отправить в Отдел Труда, а инвалидов и лиц преклонного возраста отослать «этапным порядком» к местам их жительства. Но реальная действительность оказалась еще более сурова, чем планы на бумаге. Всех, кто оказался на Белой горе 25 марта, сотрудники осинской милиции арестовали и отправили в Осинский Рабдом. Арестованных во главе с Иваном Ефремовичем Ветер обвиняли в «антисоветской агитации путем проповедей, в использовании религиозных предрассудков масс в корыстных целях»²⁶. Следствие затянулось надолго, в конце концов

²⁰ Ковалёва Е.В. Православная церковь в Харбине... С. 44.

²¹ Заря таинственного дня: книга посвящается 100-летию храма Успения Пресвятой Богородицы г. Ижевска. Ижевск, 2016. С. 81–82.

²² Ган С., свящ. Архиепископ Цицикарский Ювеналий (Килин)...

²³ ГАПК. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 85. Л. 63–63 об.

²⁴ АКМО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 197.

²⁵ Там же. Д. 5. Л. 55.

²⁶ Там же. Л. 156.

белогорскую братию вместе с паломниками перевели в Пермский губдом № 1. Монастыря не стало. Был закрыт и Крестовоздвиженский собор. Только в конце января 1924 г. арестованные монахи и миряне были освобождены под подписку о невыезде за пределы бывшей Пермской губернии. По-разному сложилась их судьба, многие были репрессированы в 1930-е гг.

Литература

Гладышев В., Кудрина А. Свет Белой горы. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. 280 с.

Заря таинственного дня: книга посвящается 100-летию храма Успения Пресвятой Богородицы г. Ижевска / В. Шкляев. Ижевск: Храм Успения Пресвятой Богородицы г. Ижевска, 2016. 256 с.

Ковалёва Е.В. Православная церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 42–58.

Серафим, игумен. Мученики христианского долга. Пермь, 2021. 80 с.

Стегний П.В. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М.: Индрик, 2017. 352 с.

References

Gladyshev, V., Kudrina, A. (2003). *Svet Beloy gory* [The Light of the Belaya Gora]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatelstvo. 280 p.

Kovaleva, E.V. (2007). Pravoslavnaya tserkov' v Kharbine: sluzhenie episkopa Yuvenaliya (Kilina) [The Orthodox Church in Harbin: The Ministry of Bishop Juvenaly (Kilin)]. In *Vestnik tserkovnoy istorii*. No. 4 (8), pp. 42–58.

Serafim, igumen. (2021). *Mucheniki khristianskogo dolga* [Seraphim, Abbot. Martyrs of Christian Duty]. Perm. 80 p.

Shklyayev, V. (2016). *Zarya tainstvennogo dnya: kniga posvyashchaetsya 100-letiyu khrama Uspeniya Presvyatoy Bogoroditsy g. Izhevsk* [Dawn of the Mysterious Day: The Book is Dedicated to the 100th Anniversary of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary of Izhevsk]. Izhevsk, Khram Uspeniya Presvyatoy Bogoroditsy g. Izhevsk. 256 p.

Stegniy, P. (2017). *Skitonachal'nik. Zhizn' i sud'ba igumena Serafima (Kuznetsova)* [Chief of the Skete. Life and Destiny of Abbot Seraphim (Kuznetsov)]. Moscow, Indrik. 352 p.